

1. Емышева Е.М., Мосягина О.В. Деловой этикет: английский стиль – стиль классики // Секретарское дело, 2004. № 8-9, с.59
2. Сухарев В.А, Сухарев М.В. Психология народов и наций. – Донецк, 1997. с. 98
3. Этика. Энциклопедический словарь / под ред.Р.Г. Апресян, А.А. Гусейнова. М., 2001. С. 597.

В.А. Жукова

*соискатель филологического факультета
УрГУ им. А.М. Горького, Екатеринбург*

Повесть В. Катаева «Уже написан Вертер»:

особенности поздней творческой манеры

Литературная манера Валентина Катаева часто менялась вместе с его творческой личностью: ученик Бунина, талантливый советский прозаик, мовист. В 60-е появилась его «новая проза» - Катаев вступил в нехарактерный для советской реалистической традиции диалог с самим собой (между собой прошлым и настоящим), проявившийся в редком приеме «переписывания» собственных текстов. Этот незаурядный способ художественной саморефлексии объясняется внутренним стремлением «выговориться», обратиться к тому, что по-настоящему волнует, подвести итоги, если угодно, - вполне объяснимое человеческое желание, особенно если в творчестве приходилось много лавировать» [4; 235]. Новая форма катаевского метарефлексивного письма была непривычна советскому читателю и требовала пояснений. Потому ранние мовистские тексты, середины 60-х- начала 70-х годов («Маленькая железная дверь в стене», «Трава забвения», «Святой колодец», «Алмазный мой венец»), содержали в себе необходимые «подсказки», позволяющие удерживать и направлять внимание читателя в пространстве творческой памяти автора. Такими «подсказками» были лейтмотивные образы и детали, рефрены, упорядочивающие «поток сознания», отсылки к известным читателю текстам и также прямые комментарии автора, проясняющие особенности его нового письма.

Повесть «Уже написан Вертер», завершенная Катаевым в 1979 году, определила тот этап творчества, когда писатель стал ощущать обоюдную с читателем готовность к диалогу «на равных». Он предельно усложнил собственный язык, сконцентрировав внутри этого языка «проговоренное» им прежде. В «Вертере» писатель уже ничего не объясняет, а повествование оборачивается глубокой саморефлексией художника, полностью охватившей написанное им

прежде. Повторное переосмысление чужих и собственных текстов определило саму форму письма, обратив это письмо в своеобразный «палимпсест». Возвращаясь в тексте «Вертера» к прошлым «экспериментам», писатель заново испытывает, казалось бы, давно выверенные им истины. Во многом именно осознание их относительности и обозначило творческие искания художника, воплотившиеся в опыте «палимпсеста».

Так, характеризуя образ главного героя, Димы, автор пишет: «Как ни странно, его манила романтика революции. ...Конвент... Пале-Рояль... Зеленая ветка Демулена... Са ира! Он уже успел прочесть «Боги жаждут», и в него как бы вселилась душа Эвариста Гамелена» [2; 329]. Врывающиеся в описание культурные реалии возвращают нас к признанию самого писателя в романе «Алмазный мой венец»: «Кто из нас не писал тогда с восторгом о зеленой ветке Демулена, в те дни <...> Париж Консьержери и Пале-Рояля был для нас притягательной силой» [2; 310]. Отметим, что образ «зеленой ветки Демулена» также отсылает к гражданской лирике Э.Багрицкого («Текли века потоком гулким /И новая легла тропа /Как по парижским переулкам /Впервые ринулась толпа /Чтоб, как взволнованная пена /Сметая золото палат, /Зеленой веткой Демулена /Украстить стогны баррикад...» [1; 1]) и внутренне связан с образом поэта-романтика, воспевшего революцию. В своем раннем рассказе «Бездельник Эдуард» (1920), где прототипом главного героя, как известно, является Э.Багрицкий, Катаев иронизирует над романтической увлеченностью революционными знаками, помещая их в чуждый жанр литературного шаржа: «главный герой видит себя в контексте «романтических теней Демулена, Робеспьера, Марата, столиков Пале-Рояля... славного мэтра Артюра Рембо», а ведет себя в соответствии с заповедями героев плутовских романов» [4; 395]. Подспудно автор как бы отстраняется от революционно-романтической традиции. Намного позже, в «Алмазном моем венце», он откровенно признает ее влияние на собственное творчество: «Кто из нас не писал тогда с восторгом о зеленой ветке Демулена» [2; 310]. В «Уже написан Вертер» прозаик осознает свою вину как человека, который «брал на себя ответственность решать» [4, 304], но, при этом, сам был увлечен, заблуждался.

Потому в повести писатель словно высвобождает собственную память от тех знаков, которые заполнили и запутали собой и без того перевернутый миропорядок. Он обращается уже к последствиям, которыми обернулись романтические заблуждения эпохи. Подмена революционной действительности романтическим вымыслом приводит главного героя к трагедии, в целом, универсальной по своему значению. В «Уже написан Вертер» Катаев откровенно про-

говаривает сомнения, связанные с историей революции и ее видением. И окончательно избавляет собственное сознание от романтических примет.

Вступая в откровенный диалог с собственным прошлым, прозаик пересматривает в «Вертере» те представления и выводы, которые в более ранних текстах казались окончательными. Он заново возвращается «вроде бы к одному и тому же исходному жизненному материалу, <...> и фактически переписывает свое прежнее видение мира, внося существенные коррективы в свою художественную философию» [3; 239]. Так, текст-«палимпсест» повести «Уже написан Вертер» оказывается воплощением содержательных исканий Катаева: тема пересмотра собственного отношения к действительности путем глубокой саморефлексии формально выражена в письме «поверх» его собственных прежних литературных произведений.

Библиографический список

1. Багрицкий Э. Знаки/ Э.Багрицкий. <http://www.lib.ru>
2. Катаев В. Уже написан Вертер/ В.Катаев. – М.: «Панорама», 1992. – 340 с.
3. Лейдерман Н.Л., Липовецкий М.Н. Современная русская литература: в 3-х кн. Кн.2/ Н.Л.Лейдерман, М.Н.Липовецкий. – М.: Эдиториал УРСС, 2001. – 688 с.
4. Литовская М.А. «Феникс поет перед солнцем»: Феномен Валентина Катаева/ М.А.Литовская. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 1999. – 608 с.

Е.С. Иванова

*студентка 4-го курса Института социологии и права
РГППУ, Екатеринбург*

М.В. Стурикова.

*ст.преподаватель кафедры русского языка и культуры речи
РГППУ, Екатеринбург*

Использование языковых формул в текстах

распорядительных документов

Точность, однозначность и необходимость машинной обработки документа предполагают использование в нем слов только в одном из значений. Необходимо, чтобы каждому понятию соответствовал один термин. И здесь важное значение имеет использование специальной терминологии. Однако